

ДЖУДИТ
МАКНОТ

ДЖУДИТ
МАКНОТ

РАЙ

АСТ
МОСКВА

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
M15

Серия «Богиня»

Judith McNaught
PARADISE

Перевод с английского Т.А. Перцевой

Оформление и компьютерный дизайн
А.А. Кудрявцева, А.Б. Ткаченко
Студия «FOLD & SPINE»

Печатается с разрешения издательства Grand,
литературных агентств Curtis Brown LTD и Synopsis.

Макнот, Джудит.

M15 Рай : [роман] / Джудит Макнот ; [пер. с англ. Т.А. Перцевой]. — Москва : АСТ, 2015. — 640 с. — (Богиня).

ISBN 978-5-17-090199-9

Одиннадцать лет назад судьба и людское коварство, казалось, навеки разлучили Мэтта Фаррела и Мередит Бенкрофт. И вот теперь обстоятельства вновь свели их. Сумеют ли они вернуть утраченное чувство, навсегда оставить позади прошлое и начать новую жизнь? Сумеют ли найти дорогу сквозь лабиринт интриг и опасностей?

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Eagle Syndication, Inc., 1991

© Перевод, Т.А. Перцева, 1995

ISBN 978-5-17-090199-9

© Издание на русском языке AST Publishers, 2015

Все, с кем сводила автора судьба во время работы над романом, знают, что общение со мной требовало от них невероятного терпения, а вернее, сверхъестественной терпимости, способности верить и понимать, что писатель постоянно работает, даже если при этом он полностью отключился и тупо уставился в пространство.

Этот роман посвящен прежде всего моим родным и друзьям, сполна проявившим эти качества, вселившим в меня дух уверенности и безмерно обогатившим мою жизнь.

Моему мужу Дону Смиту, приносящему в мою жизнь покой и новое значение слова «понимание».

Моему сыну Клейтону и дочери Уитни, чья гордость за меня была огромным источником радости. И облегчения.

Всем необыкновенным людям, предложившим мне свою дружбу и вынесшим на плечах бремя этой дружбы, особенно Филлис и Ричарду Эшли, Дебби и Крейгу Кифер, Кэти и Ллойд Стенберри и Кэти и Полу Уолднер. Нельзя просить у Бога лучшей «команды поддержки», чем вы.

Автор выражает также признательность:

Роберту Хайленду — за все, что он сделал для меня; адвокату Ллойд Стенберри — за бесконечные консультации по юридическим тонкостям, которых немало в этом романе; потрясающе отзывчивым служащим универмагов по всей стране, которые тратили на меня время и знания и без чьей помощи роман никогда не был бы написан.

Глава 1

Декабрь 1973 года

Усевшись с ногами на широкую постель под балдахином, Мередит Бенкрофт положила рядом альбом и аккуратно вырезала снимок из «Чикаго трибюн». Крупные буквы заголовка сразу бросались в глаза:

«Дети именитых граждан Чикаго в костюмах эльфов участвуют в благотворительном рождественском спектакле в Оклендском Мемориальном госпитале».

Ниже перечислялись имена и помещалось большое фото «эльфов» — пять мальчиков и пять девочек, включая Мередит, вручают подарки пациентам детского отделения. Слева, наблюдая за порядком, стоял красивый молодой человек лет восемнадцати, гордо именовавшийся, если верить газете, «Паркером Рейнолдсом III, сыном мистера и миссис Рейнолдс из Кенилуорта».

Мередит беспристрастно сравнивала себя с остальными девочками в одеяниях эльфов, удивляясь, каким образом все они умудряются выглядеть изящными и грациозными, а она...

— Мешок с мукой! — объявила девочка, болезненно морщась. — Я похожа не на эльфа, а на тролля!

Какая ужасная несправедливость в том, что остальные, которым только исполнилось четырнадцать, всего на несколько несчастных недель старше Мередит, кажутся такими великолепно взрослыми, тогда как она смотрится плоскогрудым троллем со скобками на зубах!

Взгляд девочки снова упал на снимок, и она в который раз пожалела, что внезапный порыв тщеславия заставил ее снять очки — без них Мередит имела малопривлекательную привычку щуриться, совсем как на этой ужасной фотографии.

— Контактные линзы, несомненно, помогли бы, — предположила Мередит.

Она посмотрела на Паркера, и мечтательная улыбка осветила лицо. Девочка порывисто прижала газетную вырезку к груди... то есть к тому месту, где должны были находиться груди, которых не было. Пока. И вероятно, при существующем положении вообще не будет.

Дверь спальни открылась, и Мередит поспешно отдернула от сердца руку с зажатой в ней вырезкой при виде солидной шестидесятилетней экономки, явившейся, чтобы забрать поднос с остатками ужина.

— Вы совсем не притронулись к десерту, — упрекнула миссис Эллис.

— Я и без того толстая, миссис Эллис, — вздохнула Мередит и в доказательство сползла со старинной кровати и подошла к зеркалу над туалетным столиком. — Взгляните на меня, — продолжала она, с видом обвинителя указывая на свое отражение. — Даже талии нет!

— Детский жирок, только и всего. Подрастете — все исчезнет.

— И бедер тоже незаметно. Я выгляжу ходячим шкафом. Неудивительно, что у меня нет друзей...

Миссис Эллис, работавшая у Бенкрофтов меньше года, удивленно подняла брови:

— Нет друзей? Но почему?

Мередит, отчаянно нуждавшаяся в человеке, которому можно было излить душу, призналась:

— Я только притворялась, что в школе все хорошо. На самом деле там ужасно. Я... просто белая ворона и всегда была белой вороной.

— Не может этого быть! Скорее всего с детьми в вашей школе что-то неладно...

— Дело не в них, а во мне, но я собираюсь все исправить. Сажусь на диету и хочу что-нибудь сделать с волосами. Они отвратительно выглядят.

— Вовсе нет, — возразила миссис Эллис, оглядывая доходящие до плеч белокурые волосы Мередит и бирюзовые глаза. — У вас потрясающие глаза и очень красивые волосы. Густые, блестящие и...

— Бесцветные.

— Светлые.

Мередит упрямо уставилась в зеркало, не понимая, что чудовищно преувеличивает собственные, не такие уж безнадежные недостатки.

— И рост у меня почти пять футов семь дюймов! Хорошо еще, что перестала расти, пока не превратилась в гиганта. Но я не совсем безнадежна и поняла это в субботу.

Миссис Эллис недоуменно свела брови:

— Какое же именно событие заставило вас изменить мнение о себе?

— Ничего эпохального, — заверила Мередит.

«Кое-что потрясающее, — подумала она. — Паркер улыбнулся мне во время представления. Принес кока-колу, хотя я даже не просила его об этом. Велел, чтобы я обязательно оставила для него танец на балу у мисс Эппингем в следующую субботу».

Семьдесят пять лет назад семья Паркера основала в Чикаго большой банк, одним из основных вкладчиков которого стала фирма «Бенкрофт энд компани», а дружба между Бенкрофтами и Рейнолдсами длилась уже несколько поколений.

— Отныне все изменится, и не только моя внешность, — счастливо пообещала себе Мередит, продолжая смотреться в зеркало. — И подруга у меня будет! В школу пришла новая девочка, и она еще не знает, что меня никто не любит. Она умная и способная, совсем как я, и позвонила мне сегодня насчет домашнего задания. Подумать только — позвонила мне, и мы долго болтали обо всем на свете.

— Я заметила, что вы никогда не приводите домой школьных друзей, — кивнула миссис Эллис, нервно ломая руки, — но думала, это оттого, что живете так далеко.

— Нет, дело не в этом, — покачала головой Мередит, вновь бросаясь на постель и смущенно разглядывая домашние шлепанцы, точную копию тех, которые носил отец. Невзирая на огромное богатство, он испытывал благоговейное почтение к деньгам, поэтому вся одежда дочери приобреталась лишь в случае крайней необходимости и должна была удовлетворять строжайшим требованиям прочности и долговечности. — Просто я неудачница и белая ворона.

— Когда я была маленькой, — неожиданно кивнула миссис Эллис, — мы всегда подсмеивались над отличниками.

— Беда не в отметках, — грустно улыбнулась Мередит, — и не в том, как я выгляжу. Вот это все... — Она широким жестом обвела просторную, обставленную старинной мебелью спальню, похожую на все остальные сорок пять комнат особняка Бенкрофтов. — Все считают меня придурочной, потому что по настоянию отца Фенвик возит меня в школу.

— Ну и что в этом плохого, позвольте спросить?

— Остальные идут туда пешком или приезжают на школьном автобусе.

— И?..

— И не являются туда на «роллс-ройсе» с водителем! — И Мерedit почти с завистью добавила: — Их отцы — сантехники и бухгалтеры. Один даже работает в нашем магазине.

Не в силах ничего возразить против логики умозаключений девочки и не желая признаться, что все это чистая правда, миссис Эллис тем не менее сказала:

— Но эта новая девочка в школе... она не находит странным, что Фенвик вас возит?

— Нет, — виновато хмыкнула Мерedit, отчего глаза за стеклами очков неожиданно сверкнули, — потому что считает Фенвика моим отцом. Я объяснила, что мой отец работает на богатых людей — владельцев магазина.

— Не может быть!

— Честное слово... И мне ничуть не стыдно! Нужно было с самого начала так и сказать всем в классе, да только врать не хотелось.

— А разве сейчас вы не солгали? — укоризненно вздохнула миссис Эллис.

— Это не совсем ложь, — жалобно проговорила Мерedit. — Отец как-то объяснил, что «Бенкрофт энд компани» — корпорация, а корпорацией на самом деле владеют акционеры. Поэтому как президент компании отец, по крайней мере формально, считается служащим, нанятым акционерами. Понимаете?

— Не очень, — призналась экономка. — Кто же владеет акциями? Мерedit смущенно потупилась:

— В основном мы.

Подобные принципы работы «Бенкрофт энд компани» — знаменитого универмага, расположенного в самом центре Чикаго, казались экономке совершенно непостижимыми, но Мерedit часто выказывала необыкновенное для четырнадцатилетней девочки умение разбираться в бизнесе. Хотя, с внезапным, но безнадежным осуждением отца Мерedit подумала миссис Эллис, что тут сверхъестественного, если человек обращает внимание на собственную дочь лишь для того, чтобы в очередной раз прочесть ей наставление, как лучше управлять магазином. Вероятнее всего, именно Филипа Бенкрофта следует винить за то, что девочка никак не может приспособиться к школьной жизни. Он обращался с дочерью, как со взрослым человеком, и настаивал, чтобы она в любой ситуации разговаривала и вела себя соответственно. В тех редких случаях, когда он принимал друзей, Мерedit

доверялась роль хозяйки дома. В результате девочка совершенно не-принужденно чувствовала себя среди взрослых, но понятия не имела, о чем говорить со сверстниками.

— Вы правы насчет одного, — продолжала Мередит. — Я больше не желаю дурачить Лайзу Понтини. Просто подумала, что, если у нее будет время узнать меня получше, она не отвернется от меня, узнав, что на самом деле Фенвик — наш водитель. Она ничего не заподозрила единственно потому, что никого не знает в нашем классе и всегда уходит домой сразу после занятий. У Лайзы семь братьев и сестер, и она должна помогать по дому.

Миссис Эллис неуклюже похлопала Мередит по руке, пытаясь придумать какие-нибудь ободряющие слова.

— Утро вечера мудренее, — объявила наконец экономка, прибегая к очередной избитой банальности, в которых привыкла находить утешение, и, захватив поднос, направилась к выходу. Остановившись у самого порога, она обернулась. — И помните, — наставляла она Мередит натужно-веселым голосом, — будет и на вашей улице праздник.

Девочка не знала, плакать ей или смеяться.

— Спасибо, миссис Эллис, вы мне очень помогли.

И, дождавшись, пока за экономкой закроется дверь, она медленно подняла альбом. Когда вырезка из «Трибюн» была крепко приклеена к странице, Мередит долго смотрела на нее, потом осторожно коснулась смеющихся губ Паркера. Мысль о том, как она будет кружиться в его объятиях, заставила ее вздрогнуть от ужаса, смешанного с предвкушением чего-то ослепительного. Сегодня четверг. Вечер у мисс Эппингем послезавтра. Целая вечность ожидания!

Мередит, вздохнув, перелистала страницы большого альбома. Сначала шли очень старые, пожелтевшие вырезки с выцветшими от времени снимками. Альбом когда-то принадлежал ее матери, Кэролайн, и служил единственным ощутимым доказательством того, что Кэролайн Эдвардс Бенкрофт вообще существовала на свете и жила в этом особняке. Все остальные принадлежащие ей вещи были убраны из дома по приказу Филипа Бенкрофта.

Кэролайн Эдвардс была актрисой, правда, не особого таланта, если верить критикам, но, без сомнения, очаровательной и обаятельной женщиной. Мередит изучала поблекшие снимки, но не читала заметок, потому что знала наизусть каждое слово. Она помнила, что Кэри Грант провожал мать на церемонию присуждения наград Академии в 1955 году, а Дэвид Найвен считал ее самой ослепительной

красавицей в подлунном мире и что Дэвид Селзник приглашал Кэролайн сниматься в одной из своих картин. Мередит помнила также, что мать играла в трех бродвейских мюзиклах, и критики, уничтожающе отзывавшиеся об ее игре, превозносили, однако, стройные ножки и идеальную фигуру. Репортеры светской хроники намекали на страстные романы между Кэролайн и почти всеми героями-любовниками в спектаклях и фильмах. В альбом были вклеены снимки Кэролайн, закутанной в дорогие меха, на вечеринке в Риме, в черном вечернем платье без бретелек — в игорном зале Монте-Карло. На одной фотографии она в узеньком бикини загорает на пляже в Монако, на другой — катается в Гстааде на лыжах в компании олимпийского чемпиона Швеции. Для Мередит было очевидным, что Кэролайн постоянно окружали привлекательные мужчины.

Последняя вырезка была наклеена матерью полгода спустя после поездки в Гстаад. На фотографии Кэролайн в роскошном белом подвенечном платье, смеясь, сбегает вниз по ступенкам собора под руку с Филипом Бенкрофтом под дождем из рисовых зерен. Ведущие светской хроники из кожи вон лезли, чтобы описать свадьбу, ставшую событием сезона. На прием в «Палмер-Хаус» представители прессы не допускались, но тем не менее скрупулезно перечислили всех знаменитых гостей, приглашенных счастливым женихом, — от Вандербильдов и Уитни до судей Верховного суда и четырех американских сенаторов.

Супружеская жизнь длилась два года — достаточно долго, чтобы Кэролайн успела забеременеть, родить девочку, броситься в объятия подозрительной личности — тренера по конному спорту — и сбежать в Европу с поддельным итальянским графом, гостившим к тому же в доме Бенкрофтов.

Больше Мередит почти ничего не знала, если не считать того, что мать ни разу не удосужилась послать ей письмо, не говоря уже о поздравительной открытке на день рождения. Отец Мередит, придававший огромное значение достоинству, как, впрочем, и другим старомодным ценностям, считал ее мать эгоистичной потаскухой, не имеющей ни малейшего представления о супружеской верности и материнском долге. Когда Мередит исполнился год, Филип подал на развод и обратился в суд с заявлением о получении опеки над дочерью, готовый пустить в ход все немалое политическое и финансовое влияние Бенкрофтов, чтобы добиться своего и лишить Кэролайн родительских прав. Правда, особых усилий не понадобилось. Если ве-

рить словам Филипа, мать даже не явилась на судебное заседание и, уж конечно, не пыталась вступить в бой с бывшим мужем.

Выиграв иск, Филип решил сделать все, чтобы дочь не пошла по стопам матери. Он был полон решимости добиться, чтобы Мередит заняла подобающее место в длинном ряду исполненных достоинства женщин, носивших фамилию Бенкрофт и проживших примерную жизнь, посвященную добрым делам и благотворительности, подобающую их положению, чьи репутации никогда не затронула и тень скандала.

Когда Мередит настало время идти в школу, Филип, к собственному раздражению, обнаружил, что принципы поведения даже в его обществе стали значительно менее строгими. Многие из его знакомых более благодушно смотрели на поведение своих детей и даже посылали своих отпрысков в такие прогрессивные школы, как Бентли и Ривервью. Посетив эти школы, Филип услышал странные для себя фразы: «занятия без домашних заданий» и «самовыражение». Столь прогрессивное обучение казалось ему обыкновенной распущенностью и говорило лишь о весьма невысоких стандартах. Филип не пожелал и слышать ни о чем подобном и записал дочь в закрытую католическую школу Святого Стефана, управляемую монахинями-бенедиктинками, ту самую школу, которую в свое время посещали его мать и тетя.

В этой школе ему нравилось все. Тридцать четыре первоклассницы в скромных серо-голубых джемперах в клеточку и десять мальчиков в белых сорочках и голубых галстуках почтительно встали, как только Филип в сопровождении монахини вошел в комнату. Сорок четыре юных голоса пропели хором:

— Доброе утро, сестра!

Кроме того, обучение здесь до сих пор велось академическими методами в отличие от Бентли, где Филип своими глазами видел, как некоторые дети рисовали, окуная пальцы в гуашь, а остальные, те, кто хотел заниматься, трудились над математическими заданиями. Кроме того, здесь Мередит впитает и строгие правила морали.

Отец не закрывал глаза на то, что теперь в домах по соседству со школой Святого Стефана живут люди более скромного положения, чем в былые времена, но был одержим желанием, чтобы дочь воспитывалась так же, как порядочные женщины трех поколений Бенкрофтов, посещавшие эту школу. Пришлось решить проблему неподходящего окружения, приказав водителю каждое утро отвозить Мередит в школу.

Единственное, чего не удавалось понять Филипу, — то, что мальчики и девочки, посещавшие школу, совсем не были, как раньше, добродетельными маленькими созданиями. Обычные ребятишки из семей среднего достатка и даже совсем бедных, они вместе играли, вместе ходили в школу и все как один подозрительно относились к отпрыскам более состоятельных семей.

Мерedit тоже не сознавала этого, когда переступила порог первого класса. Одетая в аккуратную серо-голубую клетчатую форму и сжимая новую корзинку с завтраком, она буквально тряслась от нервного возбуждения, как любая шестилетняя девочка, перед встречей с целым классом незнакомых детей, но совсем не чувствовала страха. Проведя почти всю жизнь в относительном одиночестве, если не считать отца и слуг в качестве компаньонов, девочка нетерпеливо предвкушала, что теперь у нее наконец появятся друзья.

Первый день прошел довольно спокойно, но дела неожиданно обернулись куда хуже, когда после уроков ученики высыпали на площадку для игр и автостоянку. На площадке Мерedit уже поджидал стоящий у «роллс-ройса» Фенвик в черной шоферской униформе. Остальные дети замерли, глядя на нее с раскрытыми ртами, и тут же определили, что новая ученица богата, а следовательно, «не такая».

Этого было достаточно, чтобы отнестись к ней настороженно и держаться на расстоянии, но к концу недели одноклассники подметили кое-что еще: Мерedit Бенкрофт рассуждала как взрослая, не знала ни одной игры, в которые они играли на переменах, а если и присоединялась к ним, то выглядела ужасно неуклюжей. Хуже всего, что не прошло и нескольких дней, как природный ум и сообразительность позволили девочке стать любимицей учительницы.

Мерedit осудили и заклеили как чужачку, существо из иного, враждебного, мира, с которым лучше не общаться. Возможно, если бы девочка оказалась достаточно хорошенькой, чтобы вызвать восхищение, это со временем помогло бы ей стать «своей», но красотой она не отличалась. В девять лет она появилась в школе с очками на носу, в двенадцать — со скобками на зубах, в тринадцать считалась самой высокой девочкой в классе. Так проходили унылые одинокие годы.

Мерedit уже отчаялась завести настоящую подругу, как вдруг все изменилось. В восьмой класс пришла Лайза Понтини. На дюйм выше Мерedit, Лайза двигалась с грацией прославленной фотомодели и отвечала на сложные вопросы по алгебре, словно пресыщенный званиями ученый. В тот полдень Мерedit сидела на низком каменном

заборе, идущем по периметру школы, как в любой другой день, и ела завтрак в одиночестве, раскрыв книгу на коленях. Она начала читать просто затем, чтобы скоротать время и хотя бы немного приглушить тягостное чувство одиночества и оторванности от класса, но через несколько лет стала настоящим книжным червем.

Она уже хотела перевернуть страницу, когда в поле зрения возникла пара обшарпанных полуботинок. Мередит подняла глаза. Лайза Понтини с любопытством взирала на нее. Розовощекая, с непокорной гривой рыжеватого-каштановых волос, Лайза была полной противоположностью Мередит; более того, она излучала неуловимую атмосферу дерзкой уверенности в себе, придававшей ей то, что журнал «Семнадцатилетние» называл рисовкой. Вместо того чтобы скромно накинуть на плечи серый школьный свитер, как это сделала Мередит, Лайза небрежно завязала рукава над грудью.

— Господи, ну и скучища же, — объявила она, плюхнувшись рядом с Мередит и оглядывая школьный двор. — Никогда в жизни не видела столько парней-коротышек! Должно быть, в фонтанчики с питьевой водой подбавляют что-то замедляющее их рост. Какая у тебя средняя оценка?

Отметки в школе выражались в процентах с точностью до одной десятой.

— 97,8, — ответила Мередит, немного ошеломленная словесным градом и непонятным дружелюбием.

— А моя — 98,1, — объявила Лайза.

И тут Мередит заметила, что уши новой знакомой проколоты. В школе запрещалось носить серьги и красить губы. Лайза, в свою очередь, разглядывала Мередит и с недоуменной улыбкой без обиняков осведомилась:

— Ты одиночка по характеру или что-то вроде парии?

— Никогда не думала об этом, — солгала Мередит.

— Сколько еще тебе осталось носить скобки?

— Ровно год, — пробормотала Мередит, решив, что Лайза совершенно ей не нравится. Она закрыла книгу и встала, радуясь, что звонок вот-вот прозвенит.

В этот день, как обычно в последнюю пятницу каждого месяца, ученики выстроились в церкви на исповедь. Чувствуя себя, как всегда, позорной грешницей, Мередит встала на колени в исповедальне и призналась отцу Викерсу во всех омерзительных деяниях, включая такие, как нелюбовь к сестре Мэри Лоренс и пустая трата времени